

ПРЕДАНИЯ ОБ УХОДЕ ЮКАГИРОВ
НА ОСТРОВА И «ЗА МОРЕ»

Если верить юкагирским преданиям, юкагиров было когда-то так много, что их костры освещали всю тундру, а северное сияние было отблеском юкагирских костров. Согласно расчетам Б. О. Долгих, численность юкагиров в середине XVII в. достигала 4,8 тыс. человек¹, но затем стала резко снижаться и к 1927 г. насчитывалось всего 454 юкагира².

Вопрос о причинах исчезновения юкагиров заинтересовал исследователей еще в начале прошлого века.

В рукописном «Географо-статистическом описании Иркутской губернии», составленном в 1819 г. иркутским землемером А. И. Лосевым, было высказано мнение что юкагиры «уменьшились [в числе] от болезней, а потом тунгусы и коряки истребили их род»³.

Нижнеколымский миссионер А. Аргентов называл следующие причины исчезновения нижнеколымских юкагиров (омоков): 1) часть омоков «истребили русские» в середине XVII в.; 2) омоки частично сами себя «истребили» при насильственном обращении их в христианство «самозванными проповедниками из мирян, принадлежавших к старообрядческой какой-то секте»; 3) много омоков погибло от оспы; 4) оставшиеся в живых (после эпидемии оспы) ушли на Новосибирские и Медвежий острова, где «встречаются развалины существовавших там построек: погребя, лабзы, земляные юрты»⁴.

Первые две из указанных Аргентовым причин исчезновения омоков нельзя принимать всерьез. Служилые люди XVII в. не занимались преднамеренным «истреблением» юкагиров (хотя бы потому, что от них получали драгоценную пушнину, сдаваемую ими в качестве ясака). Известны также факты массовых самоубийств юкагиров, тем более на почве насильственного обращения в христианство, ибо к любой религии юкагиры относились весьма индифферентно. Эпидемии оспы (таких эпидемий во второй половине XVII в. было три: в 1657, 1669 и 1693 гг.) и миграции юкагиров в связи с оспой и другими бедствиями представляются более основательными причинами сокращения их численности. Несомненно и то, что много юкагиров полегло в сражениях с эвенками, коряками, чукчами.

В настоящей статье мы остановимся на относительно малоизвестном сюжете — на свидетельствах об уходе юкагиров на острова Ледовитого океана и «за море», а также в некоторые другие районы на материке, за пределы территории их расселения.

Версия о миграции юкагиров на острова и «за море» получила распространение в первой половине XIX в. и основывалась на фактах, выявленных при обследовании островов, расположенных к северу от морского побережья Северо-Восточной Якутии и Чукотки.

* Автор данного сообщения — Владиллен Александрович Туголуков, недавно скончавшийся сотрудник сектора этнографии народов Крайнего Севера и Сибири Ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР, работал над проблемами культуры, этнической истории и этногенеза тунгусов. Им написаны десятки статей и несколько монографий. Особенную известность получили его книги «Следопыты верхом на оленях» (М., 1969), «Кто вы, юкагиры?» (М., 1979). «Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири» (М., 1985). В последней монографии Владиллен Александрович Туголуков на основании полевых, архивных и литературных источников рассматривает расселение и численность сибирских эвенков и эвенов по регионам с XVII до начала XX в., их этносоциальную структуру, показывает активное участие эвенков в формировании новых этнических общностей на северо-западе Восточной Сибири.

¹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 615.

² Похозяйственная перепись приполярного Севера СССР 1926—1927 годов». М., 1929, с. 2.

³ Архив РГО, разряд 55, оп. 1, д. 49, л. 152 об.

⁴ Аргентов А. Северная земля.— Зап. РГО, кн. 2. СПб., 1861, с. 16—17.

Первое известие о следах пребывания человека на островах было получено от русского промышленника Ивана Вилегина, сообщившего, что в ноябре 1720 г. вместе с промышленником Григорием Санкиным он ездил на нартах по льду от устья р. Большая Чукочья на север. Вероятно, они добрались до какого-то острова, потому что «видели старые юрты и места прежде бывших юрт, но не могли узнать, какому народу они принадлежат»⁵.

В 1724 г. сын боярский Федот Амосов сообщил в Якутскую воеводскую канцелярию, что, выехав на нартах с собаками из устья Колымы, он обнаружил в море «остров или землю», а «на той земле видел старые земляные юрты, а какие в них жили люди и куда сошли — неизвестно»⁶.

По мнению Ф. П. Врангеля, Вилегин и Амосов сообщали об одном из Медвежьих островов, на которые прежде ездили русские промышленники, добывавшие кости мамонта⁷.

В 1763 г. Медвежий острова посетил сержант геодезии Андреев. На каждом острове он находил следы пребывания людей: развалившиеся землянки, вкопанные в землю «юрты», лабазы. Бревна были «рублены и доски тесаны топором не железным, а каменным или каким костяным, подобно как зубами грызено», и «не русскими людьми, а другими, но какими, о том знать не можно». В следующем году Андреев с наиболее удаленного от материка острова увидел еще один большой остров и направился туда на собаках, но на пути он и его спутники увидели «свежие следы превосходного числа, на оленях, неизвестных народов» и, «будучи малолюдны», возвратились на Колыму⁸.

В 1809 г. экспедиция во главе с М. М. Геденштромом обследовала Новосибирские острова. На островах Новая Сибирь и Фаддеевском участники экспедиции нашли «юкагирские сани и обделанную кость с выемкою, в которую вкладывался острой тонкой камень из шифера для сбития из оленьих кож шерсти (по-юкагирски *аганжи*)», а также «обделанной кусок мамонтовой кости наподобие чукотских топоров». Геденштром считал, что юкагиры посещали эти острова еще тогда, когда у них не было железных орудий (т. е. до прихода русских). В начале XIX в., как он полагал, юкагиры в море «не отлучались», а только приезжали на берег для заготовки дров⁹.

Позднее Геденштром писал, что Новосибирские острова посещали омоки, которые «более ста лет тому назад, устрасясь оспы, истребившей множество из них, ... удалились на острова Ледовитого океана против устьев Яны и Индигирки»¹⁰.

Предания о крупных миграциях юкагиров слышали в 1820-х годах участники экспедиции Ф. П. Врангеля. По его сообщению, в низовьях Индигирки в то время можно было видеть «остатки укреплений из толстых бревен и следы огромных могильных курганов». Далее Врангель писал, что от опустошительных поветрий, голода и других бедствий омоки «бежали из своей родины... укрылись на север и там погибли отчасти на торосах и льдах моря, отчасти в боях с индигирскими тунгусами, в то время еще воинственными и многочисленными»¹¹.

Штурман П. Т. Козьмин видел вблизи селения Русское устье на Индигирке «уже полуразрушенные юрты, землянки и очаги и в них разные домашние сосуды». По его свидетельству, местные русские старожилы находили там «топоры из яшмы и разные орудия, совершенно отличные от употребляемых ныне». Козьмин полагал, что все это следы нижне-

⁵ Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. М.—Л., 1948, с. 54.

⁶ Там же, с. 55.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 80—81.

⁹ Путешествие Геденштрома по Ледовитому морю.— Сибирский вестн., ч. 18. СПб., 1822, с. 118—119.

¹⁰ Отрывки о Сибири. М. Геденштрома. СПб., 1830, с. 97—98.

¹¹ Врангель Ф. П. Указ. раб., с. 137, 310.

колымских омоков, которые еще до поселения русских в устье Индигирки ушли в западном направлении, нигде более не оставив никаких следов¹².

Ф. Ф. Матюшкин на правобережье Нижней Колымы слышал от потомков тамошних омоков, что их предки, опасаясь русских и принесенных ими болезней, «решились удалиться» в другие районы. Они двинулись «двумя большими отделениями, с женами и детьми... со всем своим имуществом и бесчисленными оленями от устья Колымы на север»¹³. В другом отчете Матюшкина говорится, что омоки ушли «из каменной, т. е. восточной стороны Колымы», причем его информаторы не знали, в каком направлении¹⁴. Сам Матюшкин думал, что омоки направились на запад, к устью Индигирки, где имелись следы «множества кожаных юрт», а само это место носило название «Омоковского юртовца»¹⁵.

По-видимому, Матюшкин предполагал, что от устья Индигирки омоки продвинулись еще дальше на запад и в конце концов оказались на земле ненцев. Он пишет: «На Северной Печоре между самодинами появился народ, называющий себя омоками. Любопытно знать, не они ли суть потомки народа многочисленного, обитавшего в северо-восточнейшей части Сибири»¹⁶. Насколько мы знаем, проверкой сообщения Матюшкина еще никто специально не занимался. Похоже, что западные омоки к первой четверти XIX в. уже были поглощены ненцами, и именно это обстоятельство позволяет правильно оценить сообщение А. Ф. Миддендорфа о том, что канинские и тиманские «самоеды» знали тунгусскую пляску, сопровождавшуюся характерным восклицанием *ihera*¹⁷. Упоминание Миддендорфом тунгусов не должно нас смущать, поскольку тунгусы принимали самое непосредственное участие в формировании юкагиров, сохранивших в XVII в. в своей культуре многие чисто тунгусские черты. Соседние народы также нередко называли юкагиров тунгусами.

Четверть века спустя после экспедиции Врангеля А. Аргентов тоже записал от нижнеколымских юкагиров предание о том, что «предки их Омоки, жившие на Колыме и Индигирке, при появлении там Русских удалились в море». Омоки уходили весной двумя группами. Одна направилась на запад от Колымы, а другая — «прямо к северу», т. е. во льды Ледовитого океана. Первая из них будто бы «достигла своей цели», а вторая «потерялась без вести»¹⁸.

Несколько иначе сообщает о миграциях юкагиров Ф. М. Августинович, посетивший Колыму в 1874 г. По его словам, «в давние времена» юкагиры населяли «исключительно верховья р. Колымы, и оттуда из-за оспы часть их спустилась до устья реки, а затем «переправилась на ближайшие острова Ледовитого моря, где и перевелась окончательно». Уцелели только немногие юкагиры, которые, «не пожелав следовать в море, расположились... около рек Омолона и Анюя». Другая часть юкагиров-эмигрантов направилась к «Большой тундре» (к западу от Нижней Колымы.— В. Т.) и там смешалась с тунгусами, усвоив их язык, причем «некоторые семейства» юкагиров оказались в пределах Верхоянского округа. Наконец, третья часть юкагиров осталась на Колыме и во времена Августиновича составляла юкагирский род¹⁹.

Изложенная версия представляется малоудовлетворительной. «Давние времена» — это, судя по всему, вторая половина XVII в., когда по Северо-Восточной Якутии прокатилось три эпидемии оспы. Однако в то время колымские юкагиры не сосредоточивались в верхнем течении Ко-

¹² Там же, с. 241.

¹³ Там же, с. 218.

¹⁴ Там же, с. 395.

¹⁵ Там же, с. 396.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Миддендорф А. Ф. Путешествие по северу и востоку Сибири, ч. 2. СПб., 1978, с. 672 прим.

¹⁸ Аргентов А. Указ. раб., с. 14—18.

¹⁹ Августинович Ф. О племенах, населяющих Колымский округ.— Прилож. к XXXI тому «Известий Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Тр. антропологического отдела, т. IV, с. 47. М., 1878. «Юкагирский род» представлял собой административное объединение плательщиков ясака.

лымы — напротив, их было больше в нижнем течении этой реки и на ее крупных правых притоках, таких, как Омолон и оба Анюя.

Версию об уходе части юкагиров на острова Ледовитого океана разделял Н. И. Спиридонов — юкагирский писатель и ученый. Он считал, что находки Геденштрома и его спутников на Новосибирских островах свидетельствуют о промысловом освоении этих островов юкагирами²⁰.

Якутский этнограф К. И. Горохов, работавший в начале 1950-х годов в Туматском наслеге Устьянского р-на ЯкутАССР, слышал там рассказы о людях, которые когда-то жили на островах Новая Сибирь и Фадеевском. Сообщалось, что на о-ве Новая Сибирь сохраняются «две юрты и остатки тордохов (или урасы). Имеются остова от оленьих седел. Имеются гребешки, обросший мохом котел с украшениями [в виде] оленя и собаки»²¹.

Обследуя Верхнеколымский р-н Якутии и Среднеканский р-н Магаданской обл., мы записали предания о миграциях юкагиров на север. Согласно одной «сказке», шаман увел нижнеколымских юкагиров к устью Колымы во время эпидемии какой-то заразной болезни; по другой, один юкагир попал в плен к чукчам, и они увезли его на оленях к острову в океане, где жили люди, пропавшие нерпичьим жиром. Там он встретил девушку-юкагирку, рассказавшую ему, что в свое время на острове поселились ее предки и что она единственная из оставшихся в живых потомков этой группы переселенцев. Юкагир женился на девушке и увез ее на Колыму. Вспомнив рассказы отца, она сразу узнала родину своих предков²².

Особый сюжет рассматриваемого нами цикла преданий и представлений связан с народом *хрочай*, будто бы жившим на большом острове, до которого не добрался сержант Андреев. На карте, составленной в 1765 или 1766 г. командиром Анадырской крепости Ф. Х. Плениснером, обрывающейся линией показана земля, расположенная к северу от Шелагского мыса, и имеются надписи: «Земля Китиген, живут люди» и «Живут люди Храхан». Сбоку от указанной земли сделана еще одна надпись: «Люди живут, носят платье соболье, лисье и рысье. Разговор с чукчами не сходен»²³.

Ф. П. Врангель полагал, что в данном случае имелись в виду люди, которых возглавлял *онкилонский* (эскимосский) старейшина Крехай. Поссорившись с чукотским старейшиной Ерримом, Крехай бежал со своим народом на о-в Шалаурова, расположенный к востоку от устья Колымы, дождался там других родственников, и все они «на 15 байдарах бежали в незнакомую землю, в ясные солнечные дни видную с мыса Якана»²⁴.

В 1841 г. в Иркутске, в доме архиерея, А. Аргентов увидел географическую карту, на которой «на Ледовитом море, в северной стороне, изображена земля, обитаемая Хряхами». По прибытии на Колыму Аргентов «старался разведать о заморских Хряхах» у чукчей, заверивших его, что «действительно за морем обитает народ Хрекай или Крекай и что там же обретаются Русские с бородами, у которых есть колокола, церковь и деревянные дома»²⁵. Речь явно идет о русской Америке (Аляске).

В другой работе Аргентова сказано, что народ, обитающий на северной земле, называют *кыкыкме* и что он похож на юкагиров²⁶.

²⁰ Архив АН СССР (далее — ААН), ф. 250, оп. 5, д. 76, л. 8. Кандидатская диссертация Н. И. Спиридонова «Торговая эксплуатация юкагиров в дореволюционное время» (1934 г.)

²¹ Архив Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 264, л. 120. Полевой отчет К. И. Горохова (1953 г.).

²² Архив Ин-та этнографии АН СССР (далее — АНЭ). Полевые материалы автора, 1969 г., тетр. 1, л. VIII и об.

²³ *Зубов Н. Н., Бадигин К. С.* Разгадка тайны земли Андреева. М., 1953, с. 21.

²⁴ *Врангель Ф. П.* Указ. раб., с. 311. Якан — чукотское название мыса, расположенного на материке против острова Врангеля.

²⁵ *Аргентов А.* Прибавление к описанию Чаунского прихода, Зап. РГО. СПб., 1859, с. 102.

²⁶ *Аргентов А.* Северная земля, с. 33.

Историю о Крехае и Еррима Аргентов (у него — Креакай и Еррува) излагает иначе, чем Врангель. Оба эти человека якобы находились в услужении у богатого чукчи-оленевода. Бросив хозяина одного на необитаемом острове, Креакай и Еррува завладели его женами и оленями, но затем, опасаясь расправы со стороны чукчей, «со всеми своими единомышленниками удалились в море» с Шелагского мыса. Сначала они ехали на оленях, запряженных в сани, а потом поплыли на байдарках, которых у них было 16. Во времена Аргентова чукчи употребляли имена Креакай и Еррува «вместо бранных слов», а уплывших вместе с ними людей называли *кавра-ремкит*²⁷. *Кавра-ремкит* или, точнее, *каарамкыт* (в нашей записи) буквально переводится как «оленный народ». Так чукчи называют тунгусов, в том числе эвенов²⁸. Данное обозначение чукчи прилагали также к юагирам-шелагам, которых именовали также *чавач* или *чавачи*²⁹.

Более подробные сведения о миграциях шелагов приведены М. М. Геденштромом. Встреченная им в 1809 г. на Большом Анюе чукчанка сообщила, что жившие некогда к востоку от Нижней Колымы шелаги из-за распри с чукчами разделились на две группы, одна из которых мигрировала на запад вдоль океанского берега, а другая, большая, «прошла в Америку». По словам этой женщины, шелаги, ушедшие в западном направлении, погибли в результате столкновений с ленскими тунгусами³⁰.

Таким образом, «северная земля» Аргентова — то же самое, что и «Америка» Геденштрома. Речь, конечно, идет об Аляске. В реальной возможности путешествий с побережья Чукотки на «северную землю» (Аляску) Аргентова убеждали сообщения местных жителей о том, что «из-за моря по временам, хотя и очень редко, в большом количестве выплывают дикие олени, а за ними и волки»³¹.

В. Г. Богораз записал от колымских чукчей рассказы о таинственных «тунгусах», которых чукчи называли «сумеречными» (*vaine gaaramkit*) или «травяными» (*vag-gaaramkit*). Чукчи ему говорили, что эти «тунгусы» живут «за морем», но иногда под влиянием тоски по родине возвращаются на материк, переплывая море, для чего между пальцами у них имеются плавательные перепонки. «Их можно видеть только в сумерки, когда их очертания смутно выступают в последних лучах угасающего заката». По преданию анадырских чукчей, «травяные тунгусы» одеты в платья из травы. Они будто бы нападают на одиноких детей, встреченных поодаль от жилья, и убивают их³². Речь в этом сказании, видимо, идет о шелагах.

Итак, представляется несомненным: юагиры посещали острова Ледовитого океана, хотя и не жили там долго. Наиболее вероятным временем их пребывания на островах являются XVII—XVIII века, а наиболее вероятными причинами миграции — эпидемии, вражда с соседями, злоупотребления сборщиков ясака. Уход на острова и возвращение на материк осуществлялись на оленьих упряжках. Часть шелагов на оленях и байдарках переселилась на Аляску.

Думается, первыми юагирами, ушедшими со своей территории в западном направлении, тоже были шелаги. Справедливость данного предположения подкрепляется рассказами чаунско-анюйских чукчей, которые в 1869—1870 гг. слышал Г. Л. Майдель. Согласно их повествованию, какие-то «чукчи» — «особые чукчи», говорившие не по-чукотски, — в свое

²⁷ Там же, с. 14—15, 20—22.

²⁸ АИЭ, Полевые материалы автора, 1969, тетр. 2, л. 178 об., 179.

²⁹ Аргентов А. Северная земля, с. 14—18.

³⁰ Путешествие Геденштрома..., 1822, ч. 19, с. 150.

³¹ Аргентов А. Прибавление к описанию..., с. 104; Северная земля, с. 21. О миграциях диких животных на материк откуда-то с севера сообщал также чуванец Е. А. Дьячков. Он отмечал, что эти миграции имели строго определенное направление: «...всегда случалось от северо-востока к юго-западу». «Или звери переплывают с островов на Азиатский материк?» — недоумевал Дьячков (Дьячков. Анадырский край: Рукопись жителя села Марково г. Дьячкова. Владивосток, 1893, с. 13).

³² Богораз В. Г. Пределы расселения чукотского племени в древние и новые времена. Рукопись.— ААН, ф. 135, оп. 2, д. 57, л. 66.

время мигрировали на Медвежьи острова, расположенные против устья Колымы, а затем вернулись на материк и направились к западу. Где они нашли себе пристанище, рассказчики не могли указать³³. Однако вопреки сообщению Геденштрома они, по-видимому, не все погибли в сражениях с ленскими тунгусами, какая-то часть их достигла Таймырского полуострова. Там эти шелаги тоже были известны как «чукчи». В фольклоре таймырских долганов «чукчи» выступают как враги «самоедов» (предков теперешних энцев), которые прогнали «чукчей» обратно к востоку, за Хатангу. Враждовали с «чукчами» и долганы (эвены Долганского рода). Столкновения между ними происходили в местности, где расположена Чукотская сопка. Там еще недавно находили «остатки чукотских нарт», «особо длинные жерди» их «чума»³⁴. Изгнанные с Таймыра, «чукчи» впоследствии возвратились обратно, «чтобы взыскать с самоедов кровь своих умерших». Это случилось, когда на Таймыре уже были поселены русские крестьяне (т. е., видимо, на рубеже XVII—XVIII вв.). «Лесные люди» (долганы) к тому времени перебрались в тундру, на левобережье Хатанги. Они перестреляли «чукчей», у которых «только несколько девушек остались [в живых] да двое мужчин убежало. Олений и богатство чукок взяв..., девушек их взяли в жены»³⁵.

Похоже, что часть шелагов все же завязала добрососедские отношения с «самоедами» и что этих шелагов последние называли «тидирисами» (по русской транскрипции XVII в.)³⁶. В списке ясачных тидирисов от начала 1630-х годов упоминаются Кабака и Нетола, причем последний возглавлял группу братьев из семи человек³⁷. Оба названных имени известны у чуванцев, правда, в более поздний период. Так, в списке чуванцев Летомкина рода за 1682 г. указаны Кебека Летомкин и Натайла — Кебекин племянник³⁸. Идентичность имен Кабака ~ Кебека и Нетола ~ Натайла не вызывает сомнений. Вероятно, они принадлежали к фонду шелагских имен. Заметим вместе с тем, что в имени Натайла просматривается имя Натаул, послужившее, как видно, первоосновой данного шелагского имени. Имя Натаул в 1652 г. принадлежало «ламскому тунгусу» (эвену), жившему в районе Камнунского зимовья на среднем Алдане³⁹.

Юкагиры приходили на Таймыр и позднее. В материалах ясачной ревизии 1782 г. среди «самоедов» Авамской волости числился «юкагир Фунсота» 50 лет⁴⁰. Но мы не знаем, к какой этнографической группе юкагиров он принадлежал.

Миграции юкагиров не ограничивались восточным и западным направлениями. Определенная часть юкагиров из числа сблизившихся с эвенами мигрировала во второй половине XVII в. на юг — к Амгуни и низовьям Амура. Об этом может свидетельствовать упоминание ссыльным русским Гурием Васильевым (первая четверть XIX в.) «племен» Орлих (Орлик) и Янт, называемых у местных оседлых «тунгусов». Орлихи, по его словам, обитали на Амуре ниже устья р. Дондон, а янты —

³³ Майдель Г. Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг., т. 1. СПб., 1894, с. 273.

³⁴ Попов А. А. Материалы по родовому строю долган.— Сов. этнография, 1934, № 6, с. 121. Конкретно речь может идти о западном побережье Таймырского полуострова, где, по словам нганасанов — информаторов Миддендорфа, находятся «могилы с стоящими над ними памятниками» в виде оленьих нарт (Миддендорф А. Ф. Указ. раб., с. 662).

³⁵ Попов А. А. Указ. раб., с. 121.

³⁶ Слово «тидирис» — энецкое *тыде* — «род», вероятно, служило у предков энцев обозначением людей чужого рода (народа), с которыми они состояли во взаимобратных отношениях. Аналогичным образом употребляли термин *тэээ* («род», «народ») эвенки. Б. О. Долгих считал тидирисов осамоедившимися тунгусами (Мифологические сказки и исторические предания нганасан/Запись и подготовка текстов, введение и комментарии Долгих Б. О. М., 1976, с. 9. Сказки и мифы народов Востока).

³⁷ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав, с. 438.

³⁸ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 214, кн. 307, ч. II, л. 252.

³⁹ Государственный архив Красноярского края, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 61.

⁴⁰ Миддендорф А. Ф. Указ. раб., ч. 1. 1860, с. 155.

выше устья той же реки⁴¹. В орлихах можно видеть группу эвенов, называвших себя *орочелами* (оленеводами), а в янтах — группу юкагиров-яндинцев. Пребывание части юкагиров на Верхней Амгуни в 80-х годах XVII в. косвенно подтверждается наличием среди тамошних тунгусских групп «Юкамского» рода⁴². Данное название весьма близко к названию «Юкалского» рода, упоминавшегося в 1732 г. в районе Верхнего Янского зимовья. Между тем часть амгунских «тунгусов» Юкамского рода на рубеже XVII—XVIII вв. перешла на правобережье Амура, где вскоре превратилась в оседлых земледельцев и скотоводов. В 1764 г. сообщалось, что на Амуре, ниже города Айгунь, «имеются юкамеры и прочия, которые хлеб пашут»⁴³. На Амгуни в начале XX в. еще существовало тунгусское стойбище Юкачи, где, судя по всему, жили остатки членов Юкамского рода. В 1915 г. это стойбище уже не упоминалось⁴⁴. Его обитатели, по-видимому, переселились в верховья рек Урми и Кур — кон-флюэнт р. Тунгуска, впадающей в Амур возле Хабаровска. Там они позднее стали известны как члены нанайского рода Юкаминка (или Юкомзан). Амурские нанайцы называют их *киле*, т. е. тунгусами. Подобным же образом именуют они и представителей двух других родов кур-урмийских нанайцев — Донкан и Удинкан. Считается, что предки всех трех родов были оленеводами и пришли с севера⁴⁵.

Итак, приведенные нами материалы показывают, что помимо эпидемий оспы и других общеизвестных причин сокращения численности юкагиров за период с XVII по начало XX в. важное значение имели их миграции в весьма отдаленные районы, расположенные как к западу и востоку, так и к югу от Северо-Восточной Якутии и Чукотки.

⁴¹ АНН, ф. 21, оп. 4, д. 32, л. 55. Современное название Дондона — Аной.

⁴² ЦГАДА, ф. 199, д. 481, ч. VII, л. 224 об.

⁴³ ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 485а, л. 470 об.

⁴⁴ Центральный государственный архив Дальнего Востока (Томск), ф. 702, д. 310, л. 70 об.; д. 347, л. 205.

⁴⁵ Шимкевич П. Материалы для изучения шаманства у гольдов. — Записки Приамурского отд. РГО по общей географии, т. I, вып. II. Хабаровск, 1986, с. 17—18.

Р. З. Ризванов

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО МЕТРОЛОГИИ ЛЕЗГИН

Традиционная метрология Кавказа составляет важную, но до сих пор малоисследованную область бытовой культуры народов этого региона. Тесно связанная с разными сторонами хозяйственного и материального быта, народная метрология во многом помогает понять его специфику. Вполне явственно в метрологии прослеживаются также историко-культурные связи народов в различные исторические эпохи. Как часть культуры, метрология широко отражалась в фольклоре. Именно этот аспект на примере лезгин предложен в данной статье, в основе которой преимущественно полевые этнографические материалы, собиравшиеся автором работы в течение ряда лет.

Меры веса *Батман* — мера веса у лезгин (известна широко в Иране, Турции, Средней Азии и др.). Один батман приравнивался двум манам, т. е. составлял 6 кг.

В XVIII в. батман был самой распространенной мерой веса в Дагестане и Северном Азербайджане. Проезжавший через эту территорию член посольства А. П. Волынского А. И. Лопухин (1718 г.) писал «...а шерсть у них изрядная и мякка, купят оную весом батман, в котором 14 фунтов, за самую добрую по 20 алтын батман, а иное время и